

18. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 50. — Ст. 4848.

19. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции: Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 №1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 31. — Ст. 4811.

20. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472.

21. *Побегайло Э. Ф.* Кризис современной российской уголовной политики / Э. Ф. Побегайло // Уголовное право. — 2004. — № 4. — С. 112–117.

22. По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С. С. Маленкина, Р. Н. Мартынова и С. В. Пустовалова: постановление Конституционного Суда РФ от 14.03.2002 г. № 6-П // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 12. — Ст. 1178.

23. Проблемы законодательного обеспечения проекта Концепции уголовной политики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iggran.ru/nlive/4461/> (дата обращения: 15.11.2018).

24. Сведения о результатах следственной работы по форме I-Е за 1999, 2001, 2006, 2009, 2017, 6 мес. 2018 гг. // Следственный департамент МВД России. — М., 2000, 2002, 2007, 2010 и 2018 гг.

25. Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты: матер. междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 95-летию профессора Полины Абрамовны Лупинской. — М., 2016.

С. В. Бурмагин

Признаки и границы уголовного правосудия

S. V. Burmagin

Indication and scope of the criminal justice

Определение сущности и содержания правосудия — одна из актуальных проблем отечественной правовой науки. До настоящего времени дискуссионным остается понятие правосудия, в том числе применительно к сфере уголовного процесса. Решение вопроса о том, какие действия и решения суда охватываются понятием уголовного правосудия, имеет для уголовного судопроизводства не только теоретико-доктринальное, но и методологическое и практическое значение.

Ключевые слова: суд, судебная деятельность, полномочия суда, правосудие, уголовное судопроизводство, судебный контроль, исполнение приговора.

В предыдущей статье «О сущности, понятии и пределах уголовного правосудия» [7] нами начато критическое обсуждение воззрений ученых-процессуалистов, придерживающихся традиционного, «узкого» взгляда на содержание уголовного правосудия, согласно которому правосудие ограничивается рассмотрением и разрешением по существу уголовного дела. Проведенный анализ действующего российского законодательства и правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ позволил заключить о правовой обоснованности «классического» понимания преде-

лов и содержания уголовного правосудия. Правосудие, как деятельность суда и ее результат, трактуется законодателем достаточно широко и распространяется на все виды судебной деятельности и судебных решений в уголовном судопроизводстве.

Тем не менее данным выводом спорный вопрос не устраняется окончательно, поскольку правильность и научная обоснованность позиции законодателя всегда может быть поставлена под сомнение ввиду неоднозначных подходов к вопросам сущности и содержания судебной власти и правосудия в самой правовой доктрине. Поэтому полагаем необходимым продолжить размышления о содержании и пределах уголовного правосудия в контексте ранее изложенных теоретических положений о его признаках.

Некоторые авторы — сторонники ограниченного подхода в определении границ действия правосудия, утверждая об отправлении правосудия только в судебном разбирательстве по уголовному делу, пытаются представить это как нечто само собой разумеющееся и не требующее обоснований. Получается, что вначале (зачастую безапелляционно) правосудием объявляется только разрешение уголовного дела, а актом правосудия — приговор, и затем это утверждение преподносится как непреложный факт и используется в качестве аргумента для исключения из правосудия любой иной уголовно-процессуальной деятельности суда, имеющей какие-либо (вполне естественные) различия с разбирательством уголовного дела [8, с. 17–19; 22, с. 16].

Однако из правильного по сути тезиса о том, что судом при разрешении уголовного дела осуществляется правосудие, логически вовсе не следует, что признаки правосудия отсутствуют в иной процессуальной деятельности уголовного суда. Указанной посылки явно недостаточно для такого вывода. Чтобы судить, какого рода деятельность подпадает под понятие правосудия или лежит вне его пределов, необходимо сопоставить ее с определенными критериями, в качестве которых выступают вполне сформировавшиеся в науке и обозначенные нами в предыдущей статье *признаки правосудия* [7, с. 36–37].

Ряд критиков широкого толкования уголовного правосудия, находя в судебно-контрольной деятельности или в делах по разрешению вопросов исполнения приговора явные признаки и черты, свойственные деятельности по отправлению правосудия, тем не менее, делают вывод, что эти признаки и другие атрибуты (судебной власти) не могут свидетельствовать о том, что в рассматриваемой деятельности имеет место правосудие [11; 17; 23]. О чем же тогда они свидетельствуют? Подобное игнорирование конструктивных, качественных характеристик правосудия либо их затушевывание может привести к искажению его сути, утрате ориентиров в оценке и разграничении судебной и иной правоохранительной деятельности, повлечь у исследователя противоречивые, взаимоисключающие, а порой и явно сомнительные выводы. Не случайно в одной из работ

Д. В. Тулянский, проанализировав деятельность суда по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора, вначале пришел к выводу о том, что в отношении большей ее части «с полным правом можно вести речь об отправлении правосудия», а завершил свои рассуждения противоположным утверждением, что в стадии исполнения приговора правосудие не осуществляется [26]. Х. Д. Хачароев называет суд главным и единственным субъектом правосудия и в то же время утверждает, что «помимо суда субъектами правосудия являются государственные органы, в той или иной мере реализующие функции правосудия», относя к ним органы расследования, органы прокурорского надзора и «контроля за осуществлением правосудия» (?) и органы, реализующие исполнение решений и приговоров суда [28].

Итак, в целях определения пределов (границ) уголовного правосудия проанализируем общепризнанные признаки правосудия в приложении ко всей уголовно-процессуальной деятельности суда. Применительно к сфере уголовно-процессуальных отношений эти признаки следует сформулировать в следующем виде:

- 1) уголовное правосудие — это разновидность государственной деятельности, осуществляемой судом;
- 2) ее назначением является защита права, которая конкретизирована в целях уголовного судопроизводства и вытекающих из них задачах суда;
- 3) суть этой деятельности сводится к разрешению поставленного перед уголовным судом материального или процессуального правового вопроса, в основе которого лежит социально-правовой конфликт, спор о праве;
- 4) деятельность по отправлению правосудия проходит в установленной законом процессуальной форме состязательного разбирательства дела, в судебном заседании с соблюдением принципов уголовного судопроизводства и гарантий его справедливости;
- 5) по своему характеру она является правоприменительной деятельностью, в процессе которой к исследуемой судом правовой ситуации применяются нормы материального или процессуального права;
- 6) завершается эта деятельность актом правосудия — судебным решением, разрешающим дело по существу поставленного перед судом вопроса, общеобязательная сила которого подкреплена возможностью государственного принуждения.

Важно отметить обязательность всех этих признаков. Отдельные из них свойственны не только правосудию, но и иной государственной деятельности, и только присутствие в исследуемой деятельности всех указанных признаков в совокупности позволяет констатировать, что мы имеем дело с правосудием.

Системное изучение уголовно-процессуальной деятельности суда позволяет убедиться, что не только рассмотрение и разрешение уголовных дел, но

и любые иные ее виды обладают перечисленными чертами и, следовательно, соответствуют понятию правосудия. Под видами процессуальной деятельности уголовного суда, которую мы дифференцируем по предметному критерию (по основному вопросу, поставленному на разрешение суда), подразумеваем деление судебной деятельности¹ на три большие группы однородных судебных производств:

- 1) судебный контроль законности досудебного производства;
- 2) рассмотрение и разрешение уголовных дел;
- 3) разрешение вопросов, связанных с исполнением приговоров и иных судебных решений [5, с. 84–86].

«Примерив» каждый из выделенных признаков к каждому виду судебной деятельности, получим ответ на спорный вопрос о границах уголовного правосудия. Начнем по порядку.

Первый признак, казалось бы, настолько очевиден, что на нем можно не останавливаться. Действительно, осуществлять правосудие может только суд, поэтому уголовное правосудие — это всегда уголовно-процессуальная деятельность суда, а не какого-либо иного органа или субъекта. Эта явность, конечно, совершенно не означает обратного, что любая деятельность суда — правосудие. Однако здесь встает вопрос определения исключительности судебных полномочий — свойства, на которое ориентируется большинство исследователей, определяющих для себя, какие действия и решения суда охватываются уголовным правосудием.

Некоторые авторы — сторонники узкого понимания правосудия, находя сходство (полагаем, что в большей степени внешнее, чем сущностное) в некоторых процессуальных полномочиях суда и других субъектов уголовного процесса, считают, что правосудием не может считаться деятельность, которую вправе осуществлять не только суд, но и другие органы. Так, Ю. К. Орлов, а за ним и Д. М. Берова ссылаются на возможность обжалования решений следователя не только в суд, но и прокурору и, соответственно, их отмены (?) «либо судом, либо прокурором» [3, с. 104; 23, с. 46]. Д. М. Берова также утверждает, что деятельность суда на стадии исполнения приговора по решению вопросов отбывания наказания может осуществляться и другими органами власти посредством актов амнистии или помилования [4, с. 164].

Приведенные доводы, на наш взгляд, не выдерживают критики. Очевидно, что акты амнистии и помилования имеют совершенно иную, отличную от актов органов судебной власти правовую природу, находятся вне уголовно-процессуального правового регулирования, поскольку реализуются в сфере иных правоотношений и являются результатом осуществления властных

¹ Далее в статье термином «судебная деятельность» мы охватываем лишь уголовно-процессуальную деятельность суда, отбрасывая ввиду неотносимости к теме исследования иные ее значения (организационную, административно-управленческую, иную процессуальную деятельность и т. д.).

полномочий иного рода². Поэтому их сопоставление и объединение с судебной деятельностью по разрешению вопросов освобождения от уголовной ответственности и исполнения наказания некорректно по меньшей мере. Что касается полномочий суда, прокурора и руководителя следственного органа по рассмотрению жалоб на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования, то при их сравнении нельзя не обнаружить как существенных, так и внешне-процедурных отличий между ними, отражающих различия в назначении и способах реализации в досудебном производстве судебного контроля, прокурорского надзора и так называемого процессуального (ведомственного) контроля.

Инициирование проверки актов расследования заинтересованным лицом и совпадение целевых назначений в части защиты прав и свобод личности — пожалуй, единственные сходства рассматриваемых полномочий. В этих случаях, вопреки утверждению Ю. К. Орлова и Д. М. Беровой, различно даже содержание решений (суть властных предписаний) по результатам рассмотрения жалоб, принимаемых прокурором, руководителем следственного органа и судом³.

Поэтому полагаем, что на приведенных примерах утверждать об идентичности полномочий суда и иных субъектов, ведущих уголовный процесс, не приходится. Гораздо больше поводов найти сходство в полномочиях суда и органов предварительного расследования по прекращению уголовного дела или уголовного преследования. Однако мало кто из процессуалистов (в их числе В. А. Азаров, В. А. Константинова [2, с. 17]) ставит под сомнение, что такой процессуальный акт суда означает разрешение уголовного дела по существу и, значит, посредством его вершится правосудие.

Необходимо заметить, что в УПК РФ нет единой правовой нормы, вобравшей в себя все исключительные полномочия суда, а все правовые нормы рассредоточены по многим статьям Уголовно-процессуального кодекса РФ и не сводятся только к разрешению уголовного дела.

Введенное законодателем в статье 29 УПК РФ [40] обозначение ряда юрисдикционных полномочий в качестве исключительных («только суд правомочен...», «только суд правомочен принимать решения...») неполно и носит несколько условный характер, поскольку, по большому счету, все полномочия суда являются исключительными в том смысле, что они не могут замещаться полномочиями никаких других участников уголовного судопроизводства. На той стадии, в тех процедурах, для которых они предусмо-

² Постановления об амнистии — акты органа законодательной власти, имеющие нормативный характер и рассчитанные «на применение к индивидуально неопределенному кругу лиц». Акты амнистии являются государственно-правовыми, а не уголовно-правовыми актами. Акты Президента РФ о помиловании, хотя и носят индивидуальный правоприменительный характер, также не являются реализацией уголовного закона [25, с. 466–475].

³ В отличие от субъектов прокурорского надзора и субъектов ведомственного процессуального контроля суд не правомочен отменять незаконные решения, а только признает их таковыми (статьи 125 и 125.1 УПК РФ [40]) и обязывает соответствующее уполномоченное должностное лицо устранить допущенное нарушение.

трены, никто не вправе совершать процессуальных действий и принимать какие-либо решения наравне с судом или вместо суда. Исключительность же судебных полномочий по прямому смыслу, который вложил в это понятие законодатель, означает то, что принятие аналогичных по сути процессуальных решений другими государственными органами, осуществляющими производство по уголовному делу, не предусмотрено вовсе, то есть никогда и ни при каких условиях.

Противникам признания судебного контроля и деятельности по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора и иных судебных решений, следует обратить внимание на то, что:

во-первых, статья 29 УПК РФ [40] относит к исключительным полномочиям суда не только решения, выносимые судом первой инстанции по результатам рассмотрения уголовного дела, но и судебные решения по осуществлению судебного контроля в досудебном производстве (ч. 2 ст. 29 УПК РФ);

во-вторых, пункт 4 части 1 статьи 29 УПК РФ относит к прерогативе суда контрольную деятельность по пересмотру любых решений нижестоящих судов независимо от того, вынесены они в ходе и в результате рассмотрения уголовного дела или в иных судебных производствах в рамках уголовного процесса.

Кроме того, к категории исключительных следует отнести и все полномочия суда по разрешению вопросов, перечисленных в статье 397 УПК РФ и связанных с исполнением приговора, так как никакой другой субъект уголовного процесса не правомочен их рассматривать.

К исключительным относятся также полномочия суда принимать заявления о возбуждении дела частного обвинения, выносить решения о назначении судебного заседания по уголовному делу, направлять дело по подследности, возвращать дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом (ст. 237 УПК РФ), взыскивать процессуальные издержки и многие другие.

Таким образом, оперирование свойством исключительности полномочий не позволяет вывести за рамки правосудия ни одного решения суда, а следовательно, и судебную деятельность, в ходе которой эти решения принимаются.

Далее. Назначением всех видов судебной деятельности в уголовном процессе является защита права в широком его значении, что обусловлено правозащитной ролью судебной власти в целом. Целевое назначение уголовного правосудия выражено как в конституционных нормах общего действия, так и в более конкретных положениях уголовно-процессуального закона, устанавливающего способы, средства и принципы судебной защиты права посредством уголовного судопроизводства.

Поскольку деятельность суда по осуществлению правосудия составляет основу всей уголовно-процессуальной деятельности, ее сердцевину, главная

двуединая цель уголовного правосудия вытекает из назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) и состоит:

- 1) в защите и в восстановлении нарушенных преступлением прав и законных интересов;
- 2) защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, а равно любого иного ограничения ее прав и свобод в процессе производства по делу.

Основная цель правосудия достигается посредством реализации общих и конкретных задач [5, с. 57–61; 6, с. 31–35], которые стоят перед уголовным судом на протяжении всей его процессуальной деятельности, на какой бы стадии, этапе уголовного судопроизводства он ни действовал и какие бы виды производства ни осуществлял. Наличие общих (основных) задач, стоящих перед судом на всем протяжении уголовного судопроизводства, подтверждается нормативно. Так, в частности, из статьи 4 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» [30] следует, что к основным задачам военных судов при рассмотрении любых дел относятся обеспечение и защита нарушенных и (или) оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов человека и гражданина, юридических лиц и их объединений. Эти правозащитные и правообеспечительные задачи реализуются не только при разрешении уголовного дела по существу, но и при осуществлении судом судебной-контрольной деятельности в досудебном производстве и при проверке судебных решений в вышестоящих судебных инстанциях, а также при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора и иных судебных решений [10, с. 65].

Некоторые процессуалисты утверждают о второстепенном значении деятельности суда, предшествующей рассмотрению уголовного дела и следующей за ней. В частности, О. В. Химичева, Н. А. Колоколов, В. А. Азаров, И. Ю. Таричко [1, с. 135–136; 20, с. 33; 21, с. 197; 29, с. 35] говорят о вспомогательном характере судебного контроля, полагая, что судебный контроль призван обеспечить оптимальные условия для осуществления правосудия и всегда направлен на содействие эффективному осуществлению предварительного производства по уголовному делу (Н. А. Колоколов) и его задача заключается в том, чтобы, с одной стороны, подтвердить, что собранные по делу доказательства имеют юридическую силу и позволяют суду вынести правосудный приговор, а с другой — не допустить нарушения прав и законных интересов граждан (В. А. Азаров, И. А. Таричко).

Такой подход к оценке судебной-контрольной деятельности представляется не вполне верным. «Обеспечительно-содействующий» эффект судебного контроля, который выделяют уважаемые авторы, — лишь одно и при этом не главное его качество и оно характеризует этот вид судебной деятельности только со стороны взаимосвязи с последующим судебным разбирательством по уголовному делу и не может «заслонить» собой самостоятельное значение судебного контроля.

Судьи при осуществлении судебного контроля не озадачены созданием надлежащих условий последующего производства по делу, не озабочены юридической силой собираемых следователем доказательств, ибо все это задачи предварительного расследования, а обязаны, прежде всего, обеспечить законность и обоснованность ограничения конституционных прав личности со стороны органов уголовного преследования. Все остальное — важный, но все же побочный, сопутствующий эффект судебного контроля.

В судебно-контрольной деятельности воплощается основная, правозащитная функция судебной власти, достигается одна из главных целей, стоящих перед судом в уголовном судопроизводстве, — защита от произвола обвинительной власти прав и свобод участников уголовного судопроизводства и других лиц, вовлеченных в сферу правосудия.

Судебная деятельность по контролю исполнения приговора, особенно в части наказания, в изменяющихся условиях исполнения судебного решения (порой весьма длительного) направлена на защиту прав частных лиц (осужденного, оправданного, потерпевшего, гражданского истца) и соблюдение оптимального баланса их интересов в сочетании с интересом публичным, что также тесно увязано с общими целями и задачами уголовного правосудия⁴. Сведение этой деятельности к простой «корректировке» исполнения приговора или иного решения [4, с. 164] без обозначения ее целей и задач, оснований и способов осуществления, имеющих общую основу с аналогичными компонентами иных видов процессуальной деятельности суда, не позволяет правильно осознать сущность и назначение данной деятельности и приводит к ее упрощенному пониманию.

На основе высказанных соображений полагаем, что судебный контроль досудебного производства и разрешение судом правовых вопросов в стадии исполнения приговора имеют собственные специфические задачи и важное самостоятельное значение в уголовном процессе наравне с деятельностью по осуществлению правосудия.

По поводу неотъемлемого свойства правосудия упорядочивать спорные правоотношения необходимо отметить, что в уголовном судопроизводстве суду приходится разрешать не только уголовное дело, в основе которого лежит главный уголовно-правовой вопрос о виновности или невиновности обвиняемого лица в совершении конкретного преступления, но и разбирать иные конфликты, иные правовые вопросы, как материально-правовые, так и сугубо процессуального характера, возникающие как до поступления уголовного дела в суд, так и по завершении его рассмотрения судом. Эти вопросы, находящиеся в исключительной компетенции суда, ставятся на разрешение суда в отдельных обращениях заинтересованных субъектов процесса (постановлениях, представлениях, ходатайствах, жалобах) и порождают отдельные судебные производства, подразделяемые

⁴ К аналогичному выводу о сути правосудия в стадии исполнения приговора пришел в своем недавнем диссертационном исследовании В. И. Качалов [17, с. 24–25].

на виды в зависимости от предмета судебного рассмотрения (например, производство по ходатайству следователя о заключении лица под стражу, производство по представлению уголовно-исполнительной инспекции об отмене условного осуждения и т. п.), которые в количественном отношении значительно, по многолетним нашим наблюдениям в 2–2,5 раза и более [5, с. 84; 6, с. 80], превосходят объем уголовных дел. Так, в 2017 году российские суды рассмотрели по первой инстанции в порядке уголовного судопроизводства 1 997 139 иных судебных дел по представлениям, ходатайствам и жалобам против 914 881 уголовных дел [31]⁵. Куда отнести эту массу дел, если не к деятельности по осуществлению уголовного правосудия?

Рассмотренные в рамках этих дел «промежуточные», «частные» вопросы [24, с. 61] вовсе не второстепенны, как кажется на первый взгляд, и не менее важны для личности и общества, чем главный вопрос уголовного дела о виновности лица и мере его ответственности.

З. З. Зинатуллин, Л. В. Винницкий, Г. С. Русман, А. А. Камардина и другие авторы настаивают на том, что уголовное правосудие есть лишь решение вопросов виновности и назначения наказания, чего не происходит в иных формах деятельности суда за пределами судебного разбирательства по уголовному делу [9, с. 15; 14, с. 165–168; 16, с. 16]. Однако это естественно. У каждой категории судебных дел свой предмет рассмотрения и, следовательно, отличное от иных содержание основного вопроса. Эта дифференциация всегда существовала как между различными формами судопроизводства, так и между разнородными делами в рамках одной формы процесса, в нашем случае — уголовного судопроизводства. Примечательно, что практически никто из авторов, выдвигающих этот сомнительный аргумент, не предлагает «выдворить» за пределы правосудия рассмотрение уголовных дел о применении принудительных мер медицинского характера (гл. 51 УПК РФ [40]) и о применении принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ) либо судебные производства о назначении мер уголовно-правового характера по прекращенным делам (гл. 51.1 УПК РФ). А ведь вопросы виновности и наказания в этих делах судом тоже не решаются.

Несостоятельными и не основанными на современном правовом регулировании судебной практики являются высказывания об упрощенности, «неполноценности» судебных процедур в иных, помимо рассмотрения уголовного дела, видах судебной деятельности. На начальном этапе действия УПК РФ 2001 года вследствие новизны и недостатков регламентации процедур судебного контроля в стадиях досудебного производства, породивших нестабильную и противоречивую судебную практику, имелось немало неясностей по существу судебно-контрольных производств

⁵ Данные приведены по отчету Судебного Департамента при Верховном Суде РФ «О работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» [31].

и порядку их проведения [5, с. 236–249]. Возникали и сомнения относительно полноты судебного разбирательства по делам судебного контроля и соблюдения в нем гарантий правосудия. Все это давало повод говорить о неразвитости, ограниченности и даже ущербности процедур судебного контроля [15], об ограниченном действии в судебном контроле принципов правосудия (в частности, гласности и состязательности) [1, с. 130] и на этом основании противопоставлять его по форме правосудию. Однако на сегодняшний день для подобных выводов веских оснований не имеется. Процессуальная форма судебного контроля развивается по пути усложнения, совершенствования и сближения с порядком судебного разбирательства по уголовным делам⁶, благодаря прежде всего позитивному развитию судебной практики на основе правовых позиций Конституционного Суда РФ, решений и рекомендаций Верховного Суда РФ, а также прецедентов Европейского Суда по правам человека.

Аналогичная тенденция наблюдается также в законодательном преобразовании и практике осуществления порядка ведения судами дел по вопросам, связанным с исполнением судебных решений (ст. 399–400 УПК РФ).

Недостатки законодательного регулирования судебных полномочий и процедур в досудебном производстве и в стадии исполнения судебных решений в последнее десятилетие достаточно успешно преодолены судами в процессе правоприменения путем распространения на все судебные дела общих правил и условий состязательного правосудия, а также вынесения решений на основании аналогии уголовно-процессуального закона. Регулируемые главами 35, 36 УПК РФ [40] общие условия судебного разбирательства уголовных дел и процедуры подготовительной части судебного заседания соблюдаются судами фактически во всех видах судебных производств в части: ведения протокола судебного заседания; разъяснения прав участникам процесса; последовательного заслушивания участвующих в судебном производстве лиц, начиная с обратившейся стороны; исследования представленных доказательств и письменных материалов; вынесения в письменном виде итогового решения суда; предоставления права участникам процесса на обжалование данного судебного решения и т. д. При рассмотрении любого дела (материала) в порядке уголовного судопроизводства суд обязан обеспечить высокий уровень гарантий права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство. Разъяснения, содержащиеся в ряде постановлений Пленума Верховного Суда РФ [32; 33; 34; 35], и актуальная судебная практика не оставляют на этот счет никаких сомнений.

Имеющиеся процедурные особенности производства по делам судебного контроля и по вопросам, связанным с исполнением судебных решений,

⁶ Самый показательный пример — это развитие процедур рассмотрения ходатайств о заключении под стражу и продления срока содержания под стражей (ст. 108–109 УПК РФ [40]), правила которых многократно изменялись и дополнялись законодателем и разъяснялись Пленумом Верховного Суда РФ.

как, например, сроки рассмотрения дел и обжалования судебных решений (ст. 108–109 УПК РФ, некоторое ограничение состязательности в процедуре дачи разрешения на производство следственных и иных процессуальных действий (ст. 165 УПК РФ), особый круг участников судебного процесса, в частности участие в заседании представителей государственных органов, исполняющих приговор (ст. 397 УПК РФ [40]), отражают своеобразие этих форм правосудия и не отменяют действие общих и основополагающих правил разбирательства дел уголовным судом, так же как не разрушают единства правосудия такие дифференцированные его формы, как «ускоренные производства» [18, с. 7–22], особые порядки судебного разбирательства (гл. 32.1, 40, 40.1 УПК РФ) и особые производства уголовных дел (главы 50, 51, 51.1, 52 УПК РФ).

Следует также заметить, что производство по уголовным делам в вышестоящих (контрольных) инстанциях, где судебная процедура, действительно, значительно упрощена по сравнению со стадией судебного разбирательства, никем из приверженцев первой точки зрения на исследуемый вопрос не выводится за границы правосудия. Напротив, даже наиболее ревностные из них признают, что «элементы содержания правосудия имеют место и в деятельности судов кассационной и надзорной инстанций» [13, с. 19].

Вынесение судом любого процессуального решения, а не только приговора, есть деятельность правоприменительная, поскольку по сути представляет собой разрешение вопросов, как права, так и факта. По любому правовому вопросу, требующему судебного решения, суд устанавливает фактические обстоятельства и сопоставляет их с нормами права (безразлично — материального или процессуального), которые толкует и отбирает, создавая тем самым фактическую и юридическую основу для своего решения.

Из сказанного следует, что в настоящее время рассмотрение судебных дел по любым обращениям, а не только уголовных дел, проходит в виде состязательного разбирательства и в форме судебного заседания путем установления юридически значимых обстоятельств на основе исследования доказательств и материалов дела, с использованием унифицированных судебных процедур и правил, в режиме действия принципов уголовного судопроизводства и общих условий судебного разбирательства.

Каждое судебное производство завершается финальным (итоговым) судебным решением, которое венчает разбирательство по поступившему в суд обращению, разрешает дело по существу поставленного перед судом вопроса, нейтрализует конфликтную ситуацию либо предотвращает ее (аннулирует правовой спор), в конечном итоге устанавливает между субъектами права конкретно-определенные правоотношения и может быть обжаловано заинтересованными участниками судебного процесса в вышестоящие судебные инстанции. Такими свойствами обладает не только приговор суда,

но и постановление о признании незаконным действия или решения следователя (ст. 125 УПК РФ), и постановление суда об отмене условного осуждения или продлении испытательного срока условно осужденному лицу в соответствии со статьей 74 УК РФ (п. 7 ст. 397 УПК РФ), и многие другие судебные решения.

Любое из судебных решений не требует ни утверждения, ни согласования, имеет общеобязательную силу и должно быть неукоснительно исполнено (ст. 392 и 393 УПК РФ), что гарантируется возможностью государственного принуждения, включая меры уголовной ответственности за злостное неисполнение или воспрепятствование исполнению судебного акта (ст. 315 УК РФ). В существующей правовой действительности сложно себе представить неисполнение уполномоченными органами государства или должностными лицами постановлений судов о заключении обвиняемого под стражу или о его немедленном освобождении, об условно-досрочном освобождении осужденного от назначенного наказания либо неподчинение должностных лиц решениям суда о признании их действий или решений незаконными, требующими устранения выявленных судом нарушений закона. В свете сказанного непризнание за иными, помимо приговора, судебными решениями значения и характера актов правосудия [8, с. 18] выглядит неубедительно.

Единство требований законности, обоснованности, мотивированности и справедливости к любым судебным решениям в уголовном судопроизводстве и общие правила их проверки в вышестоящих судебных инстанциях, на что обращает внимание И. С. Дикарев [12, с. 50–51], являются еще одним веским аргументом отнесения решений суда по результатам рассмотрения судебно-контрольных дел и дел по вопросам исполнения итоговых решений к актам правосудия.

Таким образом, изложенные соображения приводят нас к однозначному выводу, что любая уголовно-процессуальная деятельность суда, направленная на разрешение входящих в компетенцию суда вопросов, требующих установления фактических обстоятельств и применения к ним норм права, обладает всеми конструктивными признаками правосудия, а завершающее такую деятельность судебное решение есть акт правосудия. «Какую бы деятельность ни выполнял суд при производстве по уголовному делу, он всегда выступает как орган судебной власти, и сама судебная власть реализуется, таким образом, в уголовном судопроизводстве» [27, с. 83].

The definition of the essence and content of the justice is one of the urgent problems of the national legal science. Up to now the notion of justice remains debatable, including in relation to the sphere of the criminal procedure. The issue of what actions and decisions of the court are covered by the concept of criminal justice has not only theoretical and doctrinal, but also methodological and practical significance for criminal proceedings.

Keywords: court, judicial activity, powers of the court, justice, criminal proceedings, judicial control, execution of sentence.

Список литературы

1. *Азаров В. А.* Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России / В. А. Азаров, И. Ю. Таричко. — Омск : Омский гос. ун-т, 2004. — 379 с.
2. *Азаров В. А.* Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам / В. А. Азаров, В. А. Константинова. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 216 с.
3. *Берова Д. М.* Функции суда в уголовном судопроизводстве / Д. М. Берова // *Философия права*. — 2010. — № 6. — С. 103–106.
4. *Берова Д. М.* Функции суда в уголовном судопроизводстве / Д. М. Берова // *Общество и право*. — 2011. — № 1. — С. 160–168.
5. *Бурмагин С. В.* Уголовный суд России : монография / С. В. Бурмагин. — М. : Юрлитинформ, 2010. — 392 с.
6. *Бурмагин С. В.* Статус и деятельность суда в уголовном процессе : учеб. пособие / С. В. Бурмагин. — М. : Проспект, 2016. — 304 с.
7. *Бурмагин С. В.* О сущности, понятии и пределах уголовного правосудия // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. — 2018. — № 1. — С. 32–53.
8. *Васильева А. С.* Соотношение судебного контроля и правосудия / А. С. Васильева // *Российский судья*. — 2006. — № 7. — С. 17–19.
9. *Винницкий Л. В.* Судебный контроль за избранием меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста / Л. В. Винницкий, Г. С. Русман. — М. : Юрлитинформ, 2008. — 192 с.
10. *Воскобитова Л. А.* Проблемы понимания назначения, целей и задач современного уголовного судопроизводства / Л. А. Воскобитова // *Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений (к 90-летию со дня рождения профессора И. М. Гуткина)* : сб. матер. межвуз. науч.-практич. конф. : в 2 ч. Ч. 1. — М. : Академия управления МВД России, 2009. — С. 56–65.
11. *Давыдова И. А.* Соотношение судебного контроля и иных функций судебной власти / И. А. Давыдова // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. — 2007. — № 6. — С. 33–35.
12. *Дикарев И. С.* Правосудие и судебный контроль в уголовном процессе: соотношение понятий / И. С. Дикарев // *Государство и право*. — 2008. — № 2. — С. 41–51.
13. *Зинатуллин З. З.* Судебная власть и правосудие по уголовным делам: соотношение с судебным контролем / З. З. Зинатуллин, В. В. Зезянов // *Российский судья*. — 2005. — № 5. — С. 18–20.
14. *Зинатуллин З. З.* Уголовно-процессуальные функции : учеб. пособие / З. З. Зинатуллин, Т. З. Зинатуллин. — Ижевск : Детектив-информ, 2002. — 240 с.
15. *Кальницкий В. В.* Судебное заседание как процессуальная форма деятельности суда в досудебном производстве по уголовному делу / В. В. Кальницкий // *Проблемы теории и практики уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности в свете нового российского законодательства*. — Томск : Изд-во науч.-техн. лит., 2004. — С. 131–137.
16. *Камардина А. А.* О понятии и сущности правосудия в уголовном судопроизводстве / А. А. Камардина // *Вестник Оренбургского государственного университета*. — 2014. — № 3. — С. 14–17.
17. *Качалов В. И.* Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. И. Качалов. — М., 2017. — 51 с.
18. *Качалова О. В.* Теоретические основы ускоренного производства в Российском уголовном процессе : монография / О. В. Качалова. — М., 2015. — 208 с.
19. *Колоколов Н. А.* Судебный контроль в стадии исполнения уголовного наказания / Н. А. Колоколов, И. А. Давыдова, И. Н. Павлухин, Н. Д. Эриашвили // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. — 2008. — № 6. — С. 10–34.

20. Колоколов Н. А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования: реальность и перспективы / Н. А. Колоколов // Государство и право. — 1998. — № 11. — С. 31–39.
21. Колоколов Н. А. О праве, суде и правосудии: избранное / Н. А. Колоколов. — М. : ЮНИТА-ДАНА, 2006. — 687 с.
22. Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам : автореф. ... канд. юрид. наук / В. А. Константинова. — Томск, 2012. — 32 с.
23. Правоохранительные органы : учебник / В. Г. Бессарабов, Л. А. Воскобитова, Т. С. Дворянкина [и др.]; отв. ред. Ю. К. Орлов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2010. — 496 с.
24. Правосудие в современном мире : монография / под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. — М. : Норма: ИНФРА-М, 2012. — 704 с.
25. Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1 Общая часть : учебник / Г. Н. Борзенков [и др.]; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. — 3-е изд., пераб. и доп. — М. : Проспект, 2011. — 528 с.
26. Тулянский Д. В. Осуществляет ли суд правосудие в стадии исполнения приговора? / Д. В. Тулянский // Журнал российского права. — 2001. — № 7. — С. 118–121.
27. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. — М. : Юрист, 2004. — 815 с.
28. Хачаров Х. Д. К вопросу о понятии и сущности правосудия / Х. Д. Хачаров // Российская юстиция. — 2012. — № 4. — С. 57–60.
29. Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О. В. Химичева. — М., 2004. — 46 с.
30. Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1999. — № 26. — Ст. 3170.
31. Отчет Судебного Департамента при Верховном Суде РФ «О работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» (Форма № 1) за 2017 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832> (дата обращения: 20.12.2018 г.)
32. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 (в ред. от 29.11.2016 г.) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2009. — № 4.
33. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 21 (в ред. от 29.11.2016 г.) «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2012. — № 2.
34. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 (в ред. от 24.05.2016 г.) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2014. — № 2.
35. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2017. — № 7.
36. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18. 12. 2001 г. № 177-ФЗ (в редакции от 01. 04. 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921